ЭКОНОМИКА РОССИИ И РЕГИОНОВ

УДК: 331.5:330.59
JEL: I31, J21, J24, J31, O15, R23

Капитализация знаний на рынке труда и качество жизни населения России: структурные ограничения ноономического перехода

С.В. Дохолян, д.э.н., профессор
https://orcid.org/0000-0003-4609-448X; SPIN-код (РИНЦ): 6492-9940
Scopus author ID: 57192983920
e-mail: *sergsvd@mail.ru*

Для цитирования
Дохолян С.В. Капитализация знаний на рынке труда и качество жизни населения России: структурные ограничения ноономического перехода // Проблемы рыночной экономики. - 2026. - № 3. – С. 6-20.
DOI: 10.33051/2500-2325-2026-3-6-20

Аннотация
Актуальность исследования обусловлена тем, что в парадигме ноономики знания и их реализация на рынке труда рассматриваются как основа повышения качества жизни населения, однако в российских условиях этот процесс сталкивается с рядом структурных ограничений.
Цель статьи – выявить и систематизировать структурные, демографические и технологические вызовы российского рынка труда и охарактеризовать их взаимосвязь с уровнем и качеством жизни населения.
Методологическую основу исследования составили анализ отечественной и зарубежной научной литературы, данных официальной статистики и статистический анализ межрегиональных различий.
В ***результате*** показано, что благоприятная динамика занятости и доходов населения в последние годы сочетается с дефицитом кадров и компетенций, демографическими ограничениями, оттоком квалифицированных специалистов и устойчивыми межрегиональными различиями, а сокращение бедности – с ростом неравенства доходов. Установлено, что межрегиональные различия качества жизни в большей мере связаны с доступностью занятости, чем с номинальным уровнем оплаты труда. Выделены четыре группы структурных вызовов, которые могут сдерживать преобразование роста доходов в устойчивое повышение качества жизни.
Сделан ***вывод*** о том, что переход к ноономическому укладу в России носит фрагментарный характер, а устойчивость достигнутого повышения уровня жизни во многом зависит от развития профессионального образования, расширения доступа к качественной занятости и сокращения территориальных диспропорций. Результаты исследования могут быть использованы при разработке политики в сферах занятости, образования и регионального развития.

Ключевые слова: *ноономика, рынок труда, качество жизни, человеческий капитал, структурные вызовы, дефицит кадров, региональное неравенство, утечка мозгов.*

Статья подготовлена в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации, тема «Социально-экономическое благополучие населения: ожидания, условия, факторы» № FMUS-2025-0011, № ЕГИСУ НИОКТР 125032704553-7.

Capitalization of knowledge in the labor market and the quality of life in Russia: structural constraints of the noonomic transition

Sergey V. Doholyan, Dr. of Sci. (Econ.), Professor
https://orcid.org/0000-0003-4609-448X; SPIN-code (RSCI): 6492-9940
Scopus author ID: 57192983920
e-mail: *sergsvd@mail.ru*

For citation
Doholyan S.V. Capitalization of knowledge in the labor market and the quality of life in Russia: structural constraints of the noonomic transition // Market economy problems. – 2026. – No. 3. – Pp. 6-20 (In Russian).
DOI: 10.33051/2500-2325-2026-3-6-20

Abstract
The relevance of the research is due to the fact that in the noonomy paradigm knowledge and its realization in the labor market are regarded as the basis for improving the population's quality of life, whereas in Russia this process faces a number of structural constraints. ***The purpose*** of the article is to identify and systematize the structural, demographic and technological challenges of the Russian labor market and to characterize their relationship with the population's living standards and quality of life. ***The methodological basis*** of the research comprises an analysis of Russian and foreign scientific literature and official statistics, as well as a statistical analysis of interregional differences. ***As a result***, it is shown that the favorable dynamics of employment and household incomes in recent years coexist with labor and skill shortages, demographic constraints, the outflow of qualified specialists and persistent interregional differences, while the reduction of poverty is accompanied by growing income inequality. It is established that interregional differences in the quality of life are associated to a greater extent with the availability of employment than with the nominal level of wages. Four groups of structural challenges that may hold back the transformation of income growth into a sustainable improvement in the quality of life are identified. ***It is concluded*** that the transition to the noonomic order in Russia is fragmented, and the sustainability of the achieved improvement in living standards largely depends on the development of vocational education, wider access to quality employment and the reduction of territorial disparities. The results can be used in designing employment, education and regional development policies.

Keywords: *noonomy, labor market, quality of life, human capital, structural challenges, labor shortage, regional inequality, brain drain.*

The article was prepared within the state assignment of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, topic "Socio-economic well-being of the population: expectations, conditions, factors", No. FMUS-2025-0011, EGISU NIOKTR No. 125032704553-7.

Введение

Современный этап социально-экономического развития России характеризуется наложением структурных, демографических и технологических изменений, определяющих конфигурацию рынка труда и динамику качества жизни населения. Концепция ноономики С.Д. Бодрунова описывает становление нового способа хозяйствования, в котором знания становятся основой воспроизводства общественного блага [4; 5], а рынок труда – ключевым механизмом капитализации знаний. В России этот механизм работает нелинейно: при рекордно низкой безработице (2,5 % в 2024 г. и 2,2 % в 2025 г.) и быстром росте реальной заработной платы подавляющее большинство работодателей испытывают дефицит кадров и навыков, а периферийные регионы теряют население и социальную инфраструктуру. Сходные

противоречия - поляризация занятости и вытеснение рутинного труда технологиями – фиксируются и в зарубежных исследованиях [25; 26].

Актуальность темы усиливается тем, что фаза ускоренного роста доходов 2023-2025 гг. завершается: по данным Федеральной службы государственной статистики (Росстат), в I полугодии 2026 г. реальные располагаемые денежные доходы населения выросли лишь на 1,5 % после 7,4 % в 2025 г. [21]. Тем самым встаёт вопрос, в какой мере достигнутое повышение уровня жизни опирается на устойчивые структурные основания – рост производительности, качества рабочих мест и отдачи от человеческого капитала, – а в какой является следствием временных факторов: дефицита рабочей силы, бюджетного стимулирования и конъюнктурного роста оплаты труда. Ответ на этот вопрос важен и для теории ноономики, в которой переход к новому укладу связывается прежде всего с изменением роли знания в производстве, и для практики социальной политики, ориентированной на национальные цели развития в сфере повышения уровня и качества жизни.

Цель работы - выявить и систематизировать структурные и технологические вызовы российского рынка труда в парадигме ноономики и охарактеризовать их связь с динамикой уровня и качества жизни населения в 2014–2025 гг. Для этого решаются следующие задачи: проследить динамику ключевых показателей рынка труда и уровня жизни; выделить группы структурных вызовов; сопоставить региональные различия качества жизни с показателями заработной платы и безработицы. Научная новизна исследования заключается в следующем: показатели рынка труда и качества жизни интегрированы в концептуальной рамке ноономики; обоснованы четыре группы структурных вызовов, ограничивающих преобразование роста доходов в устойчивое повышение качества жизни; на данных по 85 субъектам Российской Федерации количественно оценена связь качества жизни с показателями рынка труда и показана ведущая роль доступности занятости по сравнению с номинальным уровнем оплаты труда.

Статья построена следующим образом. После постановки проблемы и обзора степени её разработанности описаны данные и методы исследования. Далее рассматривается динамика ключевых показателей уровня жизни в 2014–2025 гг., выделяются четыре группы структурных вызовов рынка труда, приводятся результаты корреляционно-регрессионного анализа связи качества жизни с показателями рынка труда по 85 субъектам Российской Федерации и обсуждаются их следствия для перехода к ноономическому укладу. В заключение сформулированы выводы, практические рекомендации и направления дальнейших исследований.

Постановка проблемы

В предшествующих исследованиях сформулировано ключевое противоречие современного этапа: уровень и качество жизни населения России зависят от эффективности механизмов реализации знаний на рынке труда, тогда как наблюдается серьёзное несоответствие между компетенциями работников и потребностями инновационной экономики [11]. Это снижает отдачу от человеческого капитала [27] и ослабляет социальную защищённость работников. На качество жизни, понимаемое не только как уровень доходов, но и как совокупность возможностей человека [33; 34], воздействует совокупность структурных вызовов: демографические ограничения, территориальные диспропорции, институциональные разрывы между выпуском специалистов и спросом работодателей, «утечка мозгов». На них наложились внешние шоки 2014, 2020 и 2022 гг.

Рынок труда воздействует на качество жизни как минимум по трём каналам. Первый - доходный: заработная плата остаётся основным источником денежных доходов населения, и её динамика определяет потребительские возможности домохозяйств. Второй - канал занятости и защищённости: наличие постоянной работы, её стабильность и условия труда влияют на субъективное благополучие, доступ к социальному страхованию и возможности планирования жизни. Третий - канал человеческого капитала: соответствие работы полученному образованию и возможность развивать компетенции определяют долгосрочную отдачу от инвестиций в знания. В парадигме ноономики именно третий канал приобретает решающее значение, поскольку источником общественного богатства становится знание, воплощённое в человеке. Если рост доходов обеспечивается преимущественно первым каналом при слабости третьего, он оказывается уязвимым к изменению макроэкономической конъюнктуры.

Гипотеза исследования: рост номинальных индикаторов рынка труда в 2023-2025 гг. лишь отчасти компенсирует структурные дисбалансы, и без качественного преобразования системы образования и территориальной структуры рабочих мест устойчивый переход к ноономическому укладу невозможен. Эмпирическим следствием гипотезы является то, что межрегиональные различия качества жизни должны в большей мере определяться доступностью занятости, чем номинальным уровнем оплаты труда.

Степень разработанности проблемы

Концептуальная рамка исследования опирается на работы С.Д. Бодрунова о ноономике как магистральном направлении глобального развития [5]. Ноономика трактуется как неэкономический способ хозяйственной деятельности, ориентированный на удовлетворение потребностей человека, а труд и знания - как основания нового индустриального общества второго поколения (НИО.2) [4]. Н.Е. Булетова на основе структурно-рангового подхода выявляет значительные межрегиональные диспропорции в развитии «экономики знаний» в субъектах Российской Федерации [7]. Эмпирическую традицию изучения российского рынка труда представляют работы Р.И. Капелюшникова о «российской модели рынка труда» как сочетании стабильной занятости и гибкой заработной платы [14], а также коллективная монография под редакцией В.Е. Гимпельсона и Р.И. Капелюшникова о роли неформального сектора в адаптации рабочей силы к шокам [8]. И.М. Черненко и Н.Р. Кельчевская исследуют последствия геоэкономической фрагментации для производительности человеческого капитала [22], Т.М. Яркова - возросшую волатильность рынка труда в современных условиях [24].

А.Г. Аганбегян относит к ключевым социально-экономическим вызовам России демографию и отставание производительности труда [2]. В коллективной монографии под редакцией В.Е. Гимпельсона и Р.И. Капелюшникова показано, что демографические изменения, в том числе сокращение когорты молодых работников, становятся долгосрочным структурным ограничением российского рынка труда [18]; сходный вызов - «демографическое сжатие» рабочей силы - стоит и перед большинством развитых стран [31]. А.А. Яник, С.М. Попова и С.Ф. Карпова рассматривают разрыв между регионами-лидерами и аутсайдерами по качеству занятости как самостоятельный фактор деградации человеческого капитала [23]. К.И. Краенкова и К.А. Мицкевич анализируют эффекты применения искусственного интеллекта (ИИ) на рынке труда [15]; в зарубежной литературе ориентиры для таких исследований задают оценки подверженности профессий автоматизации [29] и прогнозы трансформации навыков [35]. Э.Д. Рубинская исследует международную миграцию профессионалов [19]; теоретические основания анализа «утечки мозгов» систематизированы Ф. Докье и Х. Рапопортом [28].

Зарубежная литература задаёт для анализа три важных ориентира. Во-первых, это теория человеческого капитала Г. Беккера, согласно которой образование и профессиональная подготовка являются инвестициями, приносящими отдачу в виде более высоких заработков и производительности [27]; низкое соответствие работы полученной квалификации означает, что часть этих инвестиций не окупается. Во-вторых, это «задачный» подход Д. Аджемоглу и Д. Отора, объясняющий поляризацию занятости: технологии замещают рутинные задачи средней квалификации и дополняют нерутинный труд высокой квалификации [25]. Д. Отор показал, что автоматизация не столько сокращает общее число рабочих мест, сколько меняет их структуру и требования к навыкам [26], а по оценке К. Фрея и М. Осборна, около 47 % занятых в США работали в профессиях с высоким риском компьютеризации [29]. В-третьих, это многомерное понимание благосостояния: согласно подходу А. Сена, развитие есть расширение реальных возможностей человека [33], а доклад комиссии Дж. Стиглица, А. Сена и Ж.-П. Фитусси обосновал необходимость перехода от измерения производства к измерению благосостояния с учётом распределения доходов и неденежных аспектов качества жизни [34].

Демографическое измерение проблемы подробно рассмотрено в докладе Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР): численность населения в возрасте 20–64 лет в странах ОЭСР сокращается, а коэффициент демографической нагрузки пожилыми вырос с 19 % в 1980 г. до 31 % в 2023 г. и, по прогнозу, достигнет 52 % к 2060 г., что требует поддержки занятости старших возрастов и непрерывного обучения [31]. В литературе о международной миграции высококвалифицированных кадров показано, что последствия «утечки мозгов» для

страны происхождения неоднозначны и зависят от масштаба оттока, возвратной миграции и сохранения связей с диаспорой [28], а потери неявного знания, не поддающегося кодификации [32], восполняются особенно медленно.

Связь качества жизни и структурных ограничений рассматривалась и в ранее опубликованных работах. Показано, что внешние шоки последнего десятилетия наложились на долговременные ограничения, формируя устойчивую дифференциацию уровня жизни между социально-демографическими группами [11]; обоснованы императивы трансформации профессионального образования и социальной защиты [12]; выявлен структурный конфликт фискального стимулирования и монетарного сдерживания [13]. Эти исследования формируют непосредственный концептуальный контекст настоящей статьи.

Вместе с тем в отечественной литературе показатели рынка труда и качества жизни чаще анализируются раздельно: исследования рынка труда сосредоточены на занятости, безработице и заработной плате, а работы о качестве жизни - на интегральных индексах и доходной дифференциации. Недостаточно изучен вопрос о том, какие характеристики рынка труда в наибольшей мере связаны с межрегиональными различиями качества жизни и как эти связи соотносятся с логикой ноономического перехода. Восполнению этого пробела посвящена настоящая статья.

Данные и методы

Информационную базу исследования составили данные Росстата о доходах, заработной плате, бедности, дифференциации доходов и занятости населения за 2014-2025 гг. [20; 21], данные Федеральной налоговой службы (ФНС России) о численности самозанятых [6], рейтинги регионов по качеству жизни агентства «РИА Рейтинг» за 2024 и 2025 гг. [16; 17], а также оценки исследовательских центров и результаты опросов работодателей. Использованы методы сравнительного и структурного анализа, анализ динамики показателей и сопоставление региональных данных. Индекс реальных располагаемых доходов к 2014 г. рассчитан автором по актуальному ряду Росстата. Данные за 2025 г. являются предварительными и могут уточняться. Уровень бедности за 2014 и 2020 гг. рассчитан по методике, действовавшей до 2021 г., поэтому его сопоставление с последующими годами носит ориентировочный характер.

Для анализа региональных различий сформирован массив данных по 85 субъектам Российской Федерации (без учёта статистической информации по Донецкой Народной Республике, Луганской Народной Республике, Запорожской и Херсонской областям). Зависимой переменной выступает интегральный балл «Рейтинга регионов по качеству жизни» за 2024 г. (шкала от 0 до 100). Рейтинг рассчитывается по 66 индикаторам, объединённым в 11 групп: уровень доходов населения; занятость и рынок труда; жилищные условия; безопасность проживания; демографическая ситуация; экологические и климатические условия; здоровье и уровень образования; обеспеченность социальной инфраструктурой; уровень экономического развития; развитие малого бизнеса; освоенность территории и транспортная инфраструктура [16]. В качестве объясняющих переменных использованы среднемесячная номинальная начисленная заработная плата по полному кругу организаций за 2024 г. и уровень безработицы населения в возрасте 15 лет и старше по методологии Международной организации труда (МОТ) в среднем за 2024 г. [21]. Для Архангельской и Тюменской областей использованы данные без учёта входящих в них автономных округов, что соответствует построению рейтинга.

Методика анализа включала три этапа. На первом этапе рассчитывались коэффициенты парной корреляции Пирсона и ранговой корреляции Спирмена между баллом качества жизни и показателями рынка труда. На втором этапе оценивалась линейная регрессия балла качества жизни на натуральный логарифм заработной платы и уровень безработицы методом наименьших квадратов. На третьем этапе регионы разбивались на четыре группы (квартили) по величине балла качества жизни, и для каждой группы рассчитывались средние и медианные значения показателей рынка труда; устойчивость групп проверялась сопоставлением с рейтингом за 2025 г. [17]. Расчёты выполнены автором в среде Python (библиотеки NumPy и SciPy). Следует учитывать, что показатели доходов и занятости частично входят в состав интегрального балла, поэтому оценки характеризуют статистическую связь, а не причинно-следственную зависимость.

Статистические данные приведены по состоянию на сентябрь 2026 г. Росстат регулярно уточняет ранее опубликованные ряды, поэтому отдельные значения в статье могут отличаться от первоначальных оценок: в частности, прирост реальных располагаемых денежных доходов за 2024 г. был уточнён с 7,3 до 8,2 %, а среднемесячная номинальная начисленная заработная плата за 2025 г. - с 100,4 до 101,8 тыс. руб. Для обеспечения сопоставимости во времени уровень безработицы в целом по России приведён для населения в возрасте 15-72 лет, а в региональном разрезе - для населения в возрасте 15 лет и старше; для России в целом значения обоих рядов в 2024–2025 гг. совпадают (2,5 и 2,2 % соответственно).

Результаты исследования

Динамика уровня жизни в 2014–2025 гг.

В 2014-2025 гг. российский рынок труда прошёл через несколько фаз, каждая из которых по-своему влияла на динамику качества жизни. После санкционного шока 2014-2015 гг. реальные располагаемые денежные доходы населения четыре года подряд (2014-2017 гг.) снижались, вернулись к уровню 2014 г. лишь в 2022 г. и превысили его начиная с 2023 г.; к 2025 г. превышение составило около 23 % (табл. 1). Однако суммарное восстановление маскирует крайнюю нелинейность процесса и значительные межрегиональные различия, а снижение бедности сопровождается ростом дифференциации доходов: коэффициент Джини вырос с 0,398 в 2022 г. до 0,422 в 2025 г., повторив максимум 2007 г. [21].

Опережающую роль в восстановлении доходов сыграла оплата труда. По данным Росстата, реальная начисленная заработная плата в 2024 г. составила 133,9 % от уровня 2014 г., тогда как реальные располагаемые денежные доходы - 114,8 % [20] (табл. 1). Разрыв означает, что другие источники доходов населения - социальные выплаты, доходы от собственности и предпринимательской деятельности - росли значительно медленнее, а рынок труда стал главным каналом формирования благосостояния домохозяйств. Это повышает зависимость уровня жизни от конъюнктуры рынка труда: при замедлении роста заработной платы, которое наблюдается в 2026 г., альтернативные источники роста доходов оказываются ограниченными.

Динамика бедности и неравенства в последние годы разнонаправленна. Уровень бедности снизился с 12,2 % в 2020 г. до 6,7 % в 2025 г., однако коэффициент Джини после снижения до 0,398 в 2022 г. вырос до 0,422 в 2025 г. (табл. 1). Следовательно, доходы низкодоходных групп росли достаточно быстро, чтобы вывести часть населения за черту бедности, но доходы высокодоходных групп росли ещё быстрее. С позиций концепции качества жизни, учитывающей распределение благ [34], рост дифференциации доходов частично нивелирует эффект снижения бедности и требует внимания к механизмам перераспределения.

Таблица 1

Динамика ключевых показателей уровня жизни населения России в 2014-2025 гг.

Показатель	2014	2020	2022	2024	2025[1]
Реальные располагаемые денежные доходы (индекс, 2014 г. = 100)	100,0	92,6	100,0	114,8	123,3
Уровень бедности[2], % от численности населения	11,3	12,2	9,0	7,1	6,7
Уровень безработицы (по методологии МОТ), %	5,2	5,8	4,0	2,5	2,2
Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата, тыс. руб.	32,5	51,3	65,3	89,1	101,8
Реальная начисленная заработная плата, % к предыдущему году	101,2	103,8	100,3	109,7	104,4
Коэффициент Джини	0,414	0,406	0,398	0,410	0,422

Источник: составлено автором по данным Росстата [20; 21]; индекс доходов рассчитан автором по ряду реальных располагаемых денежных доходов в % к предыдущему году (обновление Росстата от 29.07.2026); МОТ - Международная организация труда, безработица - в возрасте 15-72 лет. [1] Данные за 2025 г. предварительные. [2] До 2021 г. - по методике на основе величины прожиточного минимума, с 2021 г. - по новой методике Росстата; ряды сопоставимы ориентировочно.

Структурные вызовы рынка труда

Анализ эмпирических данных позволяет выделить четыре группы структурных вызовов.

Во-первых, демографический вызов. Численность населения в трудоспособном возрасте практически не растёт даже с учётом повышения его верхней границы в ходе пенсионной реформы: 85,2 млн. чел. на начало 2014 г. (мужчины 16–59 лет, женщины 16–54 года) и 84,7 млн. чел. на начало 2024 г. (мужчины 16–61 год, женщины 16–56 лет) [20]. Без пенсионной реформы, начатой в 2019 г., сокращение было бы значительным. Одновременно в трудоспособный возраст вступает малочисленное поколение, родившееся в 1990-е – начале 2000-х годов, что сокращает когорту 20–34-летних – основную когорту цифровизации и инноваций [18]. Сочетание рекордно низкой безработицы и хронического дефицита кадров (по разным оценкам, от 1,5 до 4,8 млн. работников; табл. 2) во многом обусловлено демографическим сокращением предложения труда [3]. Демографический фактор ограничивает потенциальный выпуск экономики: каждое открытое рабочее место усиливает конкуренцию работодателей за уже занятых специалистов и ведёт к опережающему росту оплаты труда относительно производительности. В среднесрочной перспективе это создаёт риски стагфляционного сценария и закрепления неэффективной структуры занятости с низкой долей высокотехнологичных рабочих мест.

Демографические ограничения проявляются и в показателях использования рабочей силы. Численность рабочей силы в возрасте 15 лет и старше в 2020–2024 гг. увеличилась лишь с 75,5 до 76,1 млн. чел., тогда как уровень занятости вырос с 58,3 до 61,4 %, а численность безработных сократилась с 4,4 до 1,9 млн. чел.; численность официально зарегистрированных безработных в 2024 г. составила в среднем 351 тыс. чел. против 2,4 млн. чел. в 2020 г. [20]. Иными словами, прирост занятости в последние годы обеспечивался прежде всего вовлечением в работу имеющихся резервов – безработных и экономически неактивных лиц, – которые к 2025 г. оказались в значительной мере исчерпаны. Дальнейший рост выпуска в этих условиях возможен лишь за счёт повышения производительности труда, что прямо связывает демографический вызов с технологическим.

Таблица 2

Структурные характеристики российского рынка труда в 2014 г. - начале 2025 г.

Показатель	2014	2020	2022	2024 - нач. 2025
Численность рабочей силы, млн. чел.	75,4[1]	75,5	75,6	76,1
Дефицит работников, млн. чел. (оценки)	0,5–1,0	~1,0	~2,0	1,5–4,8
Выпускники, работающие не по специальности, % (оценки)	~30	~35	~35–40	~40
Работодатели, ощущающие дефицит компетенций, % (оценки)	<70	~70–75	~85	93 (2025)
Чистая миграция активных исследователей (Scopus), на 100 исследователей	−0,1	−0,2	−0,8	−0,83 (2023)
Численность самозанятых, млн. чел. (на конец года)	–	~1,6	~6,5	12,2 (2024)

Источник: составлено автором по данным Росстата [20], ФНС России [6], А.В. Ловакова [30], Института экономики Российской академии наук [3], hh.ru [10], обзоров hh.ru и SuperJob. [1] В возрасте 15–72 лет, в остальные годы – 15 лет и старше.

Во-вторых, технологическое и компетентностное несоответствие. По данным опроса hh.ru, 93 % работодателей в той или иной мере недовольны компетенциями соискателей и ощущают дефицит навыков [10]. Около 40 % выпускников российских вузов трудоустраиваются не по специальности (табл. 2). Этот разрыв подтверждает вывод о низкой эффективности механизмов реализации полученных знаний на рынке труда [11]. По оценке Всемирного экономического форума, к 2030 г. изменятся или устареют около 39 % ключевых навыков работников [35]. Цифровизация и распространение технологий ИИ одновременно расширяют спрос на специалистов в области информационных технологий (ИТ), инженерии данных и информационной безопасности и сужают пространство для рутинных низкоквалифицированных профессий [15], что согласуется с выводами о вытеснении рутинного труда [26].

Масштаб предстоящих изменений подтверждают и международные оценки. По данным опроса работодателей, проведённого Всемирным экономическим форумом, наиболее быстро растущими навыками в 2025–2030 гг. станут навыки в области искусственного интеллекта и больших данных, сетей и кибербезопасности, а также технологическая грамотность; нехватку навыков как главный барьер трансформации бизнеса назвали 63 % работодателей, 85 % планируют сделать приоритетом повышение квалификации персонала, а 70 % – нанимать работников с новыми навыками [35]. Для России, где предложение труда ограничено демографически, стратегия найма новых работников доступна в меньшей степени, поэтому ключевым инструментом становится переобучение уже занятых. Однако именно здесь проявляется слабость механизмов непрерывного образования: система профессионального образования ориентирована преимущественно на молодёжь, а участие взрослых работников в обучении остаётся ограниченным, особенно за пределами крупных агломераций.

В-третьих, территориальные диспропорции (табл. 3). По данным «РИА Рейтинг», в 2024 г. сводный балл качества жизни Москвы, Санкт-Петербурга и Московской области превышал 81 из 100 возможных, тогда как в Еврейской автономной области, Ингушетии и Тыве он не превышал 37 баллов; в 2025 г. состав лидеров и аутсайдеров не изменился [16; 17]. Среднемесячная начисленная заработная плата в Москве в 2024 г. (162,6 тыс. руб.) в четыре раза превышала уровень Ингушетии (40,6 тыс. руб.). Уровень безработицы в Ингушетии (26,4 %) и Дагестане (11,2 %) в десятки раз превышает столичный (1,0 %) [21], что наряду с высокой долей неформальной занятости [8] указывает на дефицит современных рабочих мест.

Таблица 3

Региональные различия качества жизни населения России в 2024-2025 гг.

Регион	Место, 2024 г.	Балл, 2024 г. (из 100)	Балл, 2025 г. (из 100)	Зарплата за 2024 г., тыс. руб.	Безработица, 2024 г., %	Безработица, 2025 г., %
г. Москва	1	84,1	84,5	162,6	1,0	0,8
г. Санкт-Петербург	2	83,4	84,2	110,5	1,5	1,5
Московская область	3	81,2	81,8	99,2	1,7	1,6
Краснодарский край	4	76,1	77,1	70,4	2,0	2,0
Республика Татарстан	5	75,1	76,6	75,8	1,8	1,7
Республика Дагестан	67	47,6	49,7	44,6	11,2	10,9
Еврейская автономная область	83	36,1	38,9	78,8	2,7	1,7
Республика Ингушетия	84	34,1	35,9	40,6	26,4	25,4
Республика Тыва	85	30,1	31,0	67,5	4,9	4,8

Источник: составлено автором по данным «РИА Рейтинг» [16; 17] (сводный балл качества жизни) и Росстата (среднемесячная номинальная начисленная заработная плата по полному кругу организаций; уровень безработицы населения в возрасте 15 лет и старше по данным обследований рабочей силы) [21].

Сокращение населения периферийных территорий усиливает региональное неравенство в доступе к социальным благам [11; 23]. Малые и средние города и сельская местность теряют население, тогда как численность населения Москвы и Санкт-Петербурга за 2014-2024 гг. выросла примерно на 9 %. Количественная оценка связи территориальных различий качества жизни с показателями рынка труда приведена ниже.

В-четвёртых, миграционный вызов. По оценке А.В. Ловакова, основанной на изменении наиболее частой страны аффилиации авторов публикаций в базе данных Scopus, чистая миграция активных исследователей, аффилированных с российскими организациями, снизилась с −0,17 на 100 исследователей в 2021 г. до −0,83 в 2023 г. - второго минимального значения за период наблюдений [30] (табл. 2). По оценке Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации (Минцифры России), в 2022 г. страну покинули около 100 тыс. ИТ-специалистов, т.е. примерно 10 % работников отрасли [9]. Помимо прямого экономического ущерба, особенно значимы невидимые потери неявного (личностного) знания [32] и научных школ [19], а также долгосрочные последствия «утечки мозгов» для развития [28].

Рынок труда и качество жизни в регионах: результаты корреляционно-регрессионного анализа

Для проверки эмпирического следствия гипотезы рассмотрим связь интегрального балла качества жизни с показателями рынка труда по всем 85 регионам (табл. 4). Средний балл качества жизни в 2024 г. составил 55,5, медианный - 55,3, коэффициент вариации - 19 %. Межрегиональная дифференциация заработной платы значительно выше: коэффициент вариации составляет 38 %, а соотношение максимального (Чукотский автономный округ, 188,6 тыс. руб.) и минимального (Республика Ингушетия, 40,6 тыс. руб.) значений – 4,6 раза. Уровень безработицы варьировал от 1,0 % в Москве до 26,4 % в Ингушетии.

Таблица 4

Связь балла качества жизни с показателями рынка труда по 85 субъектам Российской Федерации, 2024 г.

Показатель	Коэффициент Пирсона (p)	Коэффициент Спирмена (p)	Коэффициент регрессии (p)
Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата	0,13 (0,24)	0,14 (0,19)	–
Логарифм заработной платы	0,17 (0,11)	0,14 (0,19)	0,46 (0,90)
Уровень безработицы по методологии МОТ, %	−0,44 (<0,001)	−0,54 (<0,001)	−1,49 (<0,001)
Константа	–	–	58,28 (<0,001)
R^2 / скорректированный R^2	–	–	0,20 / 0,18
F-статистика (p)	–	–	9,99 (<0,001)

Источник: рассчитано автором по данным «РИА Рейтинг» [16] и Росстата [21]; зависимая переменная - интегральный балл качества жизни, n = 85; регрессия оценена методом наименьших квадратов.

Результаты расчётов показывают, что балл качества жизни статистически значимо связан с уровнем безработицы: коэффициент корреляции Пирсона составляет −0,44, коэффициент Спирмена – −0,54 ($p < 0,001$). Связь балла качества жизни с номинальной заработной платой, напротив, слабая и статистически незначимая ($r = 0,13$; $p = 0,24$). В регрессионной модели коэффициент при уровне безработицы равен −1,49 ($p < 0,001$): при прочих равных условиях превышение уровня безработицы на 1 процентный пункт сопряжено со снижением балла качества жизни примерно на 1,5 пункта; коэффициент при логарифме заработной платы незначим. Модель объясняет около 20 % вариации балла качества жизни ($R^2 = 0,20$; $F = 9,99$; $p < 0,001$), что закономерно для интегрального показателя, отражающего 11 групп факторов.

Слабость связи с номинальной заработной платой объясняется прежде всего «северным парадоксом». Из 14 регионов, в которых средняя заработная плата в 2024 г. превышала среднероссийскую (89,1 тыс. руб.), шесть имеют балл качества жизни ниже медианного: Сахалинская и Магаданская области, Камчатский край, Республика Саха (Якутия), Чукотский и Ненецкий автономные округа [16; 21]. Высокая номинальная оплата труда в этих регионах компенсирует тяжёлые климатические условия, высокую стоимость жизни и слабую развитость социальной и транспортной инфраструктуры, но не обеспечивает соответствующего качества жизни. Это наглядно подтверждает тезис о том, что рост денежного вознаграждения за труд сам по себе не преобразуется в рост качества жизни без развития инфраструктуры и среды, в которой реализуется человеческий капитал.

Группировка регионов по квартилям балла качества жизни (табл. 5) позволяет эмпирически уточнить типологию регионов. В первую группу («лидеры», 22 региона) вошли столичные агломерации и развитые регионы Центральной России, Юга, Поволжья и Урала, в том числе Татарстан, Башкортостан, Тюменская область и Ханты-Мансийский автономный округ; средний балл группы – 68,8, средний уровень безработицы – 2,0 %. Четвёртая группа («отстающие», 21 регион) объединяет большинство республик Северного Кавказа, Калмыкию, Тыву, Алтай, Бурятию, Забайкальский край, северные и дальневосточные регионы (Республика Саха (Якутия), Магаданская область, Чукотский и Ненецкий автономные округа, Республика Коми, Республика Карелия и др.), а также ряд аграрных регионов (Кировская и Курганская области, Алтайский край); её средний балл – 42,7, средний уровень безработицы – 5,6 %, т.е. почти втрое выше, чем в первой группе. При этом медианная заработная плата в первой и

четвёртой группах практически одинакова (72,4 и 72,9 тыс. руб.), а средняя – даже выше в четвёртой группе за счёт северных регионов. Промежуточные группы («середина» и «догоняющие») различаются умеренно, но и здесь снижение балла сопровождается ростом безработицы.

Таблица 5

Группы регионов по баллу качества жизни и показатели рынка труда, 2024–2025 гг.

Группа	Регионов	Диапазон балла, 2024 г.	Средний балл, 2024 / 2025 гг.	Медианная зарплата, 2024 г., тыс. руб.	Безработица, 2024 / 2025 гг., %
I. «Лидеры»	22	63,2–84,1	68,8 / 69,6	72,4	2,0 / 1,7
II. «Середина»	21	55,3–62,7	58,1 / 59,5	64,1	2,2 / 1,8
III. «Догоняющие»	21	49,0–54,9	51,9 / 53,9	63,0	2,9 / 2,3
IV. «Отстающие»	21	30,1–48,3	42,7 / 45,2	72,9	5,6 / 4,8

Источник: рассчитано автором по данным «РИА Рейтинг» [16; 17] и Росстата [21]; группы выделены по квартилям балла качества жизни за 2024 г.; заработная плата - за 2024 г.; уровень безработицы - средний по группе.

Региональная стратификация отличается высокой устойчивостью. Корреляция баллов 2024 и 2025 гг. составляет 0,99; девять из десяти регионов – лидеров 2024 г. и восемь из десяти регионов с наименьшими баллами сохранили свои позиции в соответствующих группах в 2025 г. Баллы выросли у 77 из 85 регионов, однако разрыв между группами сократился незначительно: средний балл первой группы увеличился с 68,8 до 69,6, четвёртой – с 42,7 до 45,2 [17]. Следовательно, общий рост доходов 2024–2025 гг. улучшил положение всех регионов, но не изменил их взаимного расположения.

Обсуждение результатов

Совокупное действие рассмотренных вызовов формирует противоречивую картину качества жизни. С одной стороны, в 2023–2025 гг. реальные располагаемые доходы росли рекордными за десятилетие темпами: на 8,2 % по итогам 2024 г. и на 7,4 % по итогам 2025 г. [21]. Максимальный квартальный прирост за весь период наблюдений с 2014 г. зафиксирован в IV квартале 2024 г. – 10,4 % в годовом выражении, однако в I полугодии 2026 г. рост замедлился до 1,5 % [21]. Уровень бедности снизился до исторического минимума – 7,1 % в 2024 г. и 6,7 % в 2025 г. (табл. 1). С другой стороны, эта динамика опирается на структурный конфликт фискального стимулирования (рост оборонных расходов и социальных выплат) и монетарного сдерживания (жёсткая денежно-кредитная политика Банка России), что порождает среднесрочные риски устойчивости [13]. Опережающий рост заработной платы относительно производительности труда ограничивает возможности дальнейшего неинфляционного роста реальных доходов, а рост коэффициента Джини свидетельствует о неравномерном распределении выгод этого роста.

Полученные результаты важно соотнести с национальными целями развития. Указом Президента Российской Федерации от 07.05.2024 № 309 установлены целевые значения снижения уровня бедности ниже 7 % к 2030 г. и ниже 5 % к 2036 г., а также снижения коэффициента Джини до 0,37 к 2030 г. и до 0,33 к 2036 г. [1]. По уровню бедности (6,7 % в 2025 г.) целевой ориентир на 2030 г. фактически достигнут досрочно, тогда как коэффициент Джини (0,422 в 2025 г.) не приближается к целевому значению, а удаляется от него. Это означает, что сложившаяся модель роста доходов, опирающаяся на дефицит рабочей силы и опережающий рост оплаты труда в отдельных секторах и регионах, эффективна для сокращения абсолютной бедности, но не для сокращения неравенства. Достижение цели по снижению дифференциации доходов потребует мер, направленных на выравнивание доступа к качественной занятости и образованию между регионами и социальными группами, т.е. именно на те структурные ограничения, которые рассмотрены в настоящей статье.

В категориях ноономики ключевое значение имеет качественное преобразование труда, а не только рост его номинальной цены. Замещение рутинных операций алгоритмами, рост числа самозанятых (около 12,2 млн. на конец 2024 г. [6] (табл. 2)) и распространение удалённой занятости (по данным Росстата, в 2024 г. дистанционно работали около 2,8 млн. чел., из них около 1,6 млн. – на постоянной основе [20]) формируют предпосылки перехода к «портфельной

карьере» и непрерывному обучению. Однако эти предпосылки складываются фрагментарно и концентрируются в крупных агломерациях. Ранее было показано, что ключевым инструментом интеграции социально-демографических групп должно выступать образование, а трансформация профессионального образования необходима для формирования компетенций, востребованных в условиях высокой неопределённости [12]. Без системных инвестиций в инфраструктуру знаний и человеческий капитал номинальный рост заработной платы не преобразуется в устойчивый рост качества жизни. Особое значение приобретает региональная политика, направленная на выравнивание доступности качественных рабочих мест и инфраструктуры непрерывного обучения за пределами столичных агломераций.

Полученные результаты согласуются с выводами зарубежных исследований о том, что благосостояние населения определяется не только уровнем денежных доходов, но и возможностями, которые создаёт среда проживания [33; 34]. Для российских регионов ключевой такой возможностью остаётся доступ к занятости: высокая безработица в республиках Северного Кавказа сочетается с высокой долей неформальной занятости и малым числом современных рабочих мест [8; 23]. С позиций ноономики это означает, что человеческий капитал значительной части населения не может быть реализован на месте проживания, а его перемещение в крупные агломерации усиливает территориальную поляризацию.

Результаты имеют ряд ограничений. Во-первых, анализ выполнен на пространственных данных за один год и не позволяет судить о причинно-следственных связях. Во-вторых, номинальная заработная плата не скорректирована на различия в стоимости жизни между регионами, что частично объясняет «северный парадокс». В-третьих, показатели доходов и занятости входят в состав интегрального балла качества жизни, поэтому оценка тесноты связи может быть завышена. Тем не менее отсутствие значимой связи с номинальной заработной платой при значимой связи с безработицей является устойчивым результатом, который согласуется с выдвинутой гипотезой.

Выводы

Проведённое исследование позволяет сформулировать следующие выводы. Во-первых, российский рынок труда в 2014–2025 гг. демонстрирует существенную асимметрию: рекордно низкая безработица и быстрый рост заработной платы сосуществуют с дефицитом кадров и компетенций, демографическим сжатием и потерей квалифицированных кадров, а снижение бедности – с ростом дифференциации доходов до максимального за период наблюдений уровня. Во-вторых, рост реальных доходов 2023–2025 гг. опирался преимущественно на дефицит рабочей силы и бюджетное стимулирование, а не на опережающий рост производительности, и в 2026 г. заметно замедлился. В-третьих, межрегиональные различия качества жизни значимо связаны с доступностью занятости и практически не связаны с номинальным уровнем оплаты труда; «северный парадокс» показывает, что высокие заработки не компенсируют недостатка инфраструктуры и качества среды. В-четвёртых, региональная стратификация по качеству жизни устойчива: общий рост доходов не меняет взаимного положения регионов.

В совокупности эти результаты согласуются с выдвинутой гипотезой: рост номинальных индикаторов рынка труда лишь отчасти компенсирует структурные дисбалансы. Переход к ноономике носит фрагментарный характер – формирование экономики знаний сосредоточено в немногих агломерациях, тогда как в периферийных регионах человеческий капитал не находит применения. Региональное неравенство в доступе к качественной занятости выступает самостоятельным фактором, ограничивающим переход к ноономическому укладу.

Преодоление структурных вызовов требует системного подхода, в рамках которого можно выделить четыре направления. Первое – пересмотр профессионального образования с акцентом на непрерывное обучение и компетенции «нового типа»: развитие программ переподготовки для работников средних и старших возрастов, расширение практико-ориентированного обучения и мониторинг трудоустройства выпускников по специальности как показатель эффективности образовательных программ. Второе – целевая политика по сокращению регионального неравенства, ориентированная не столько на повышение номинальной оплаты труда, сколько на создание современных рабочих мест в регионах с высокой безработицей и развитие социальной и транспортной инфраструктуры в северных и дальневосточных регионах, где высокие заработки не обеспечивают соответствующего качества жизни. Третье – меры по удержанию и

возвращению квалифицированных специалистов, включая исследователей и ИТ-специалистов, а также сохранение научных школ как носителей неявного знания. Четвёртое – институциональная поддержка взаимодействия работодателей и образовательных организаций при формировании образовательных программ и прогнозировании потребности в кадрах.

Без преобразования механизмов капитализации знаний текущий рост реальных доходов окажется неустойчивым, на что указывает и его резкое замедление в 2026 г. Результаты исследования могут быть использованы Министерством труда и социальной защиты Российской Федерации, Министерством науки и высшего образования Российской Федерации, Министерством просвещения Российской Федерации и органами власти субъектов Российской Федерации при разработке программ занятости, профессионального образования и регионального развития, а также при выборе целевых показателей региональной политики: результаты анализа свидетельствуют о том, что уровень безработицы и доступность качественной занятости являются более информативными индикаторами качества жизни, чем номинальная заработная плата.

Перспективы дальнейших исследований связаны с эконометрической оценкой влияния показателей рынка труда и человеческого капитала на региональные индексы качества жизни на панельных данных по субъектам Российской Федерации, с использованием заработной платы, скорректированной на стоимость жизни, и показателей соответствия занятости уровню образования, а также с типологизацией регионов методами кластерного анализа.

Литература

1. Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2024 № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года». – URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/50542 (дата обращения: 29.09.2026).
2. Аганбегян А. Г. Три главных социально-экономических вызова, стоящих перед Россией, и 15 ответных шагов // Экономические стратегии. – 2022. – №. 6 (186). – С. 6-15.
3. Ахапкин Н. Ю. Российская экономика в условиях санкционных ограничений: динамика и структурные изменения // Вестник Института экономики Российской академии наук. – 2023. – №. 6. – С. 7-25. – DOI: 10.52180/2073-6487_2023_6_7_25.
4. Бодрунов С. Д. За пределами современного капитализма: знание, технологии, ноономика // Ноономика и нооообщество. Альманах трудов ИНИР им. С. Ю. Витте. – 2024. – Т. 3. – №. 3. – С. 13-26. – DOI: 10.37930/2782-618X-2024-3-3-13-26.
5. Бодрунов С. Д. Путь к ноономике: магистральное направление глобального развития // Ноономика и нооообщество. Альманах трудов ИНИР им. С. Ю. Витте. – 2024. – Т. 3. – №. 1. – С. 13-20. – DOI: 10.37930/2782-618X-2024-3-1-13-20.
6. Более 12 млн самозанятых зарегистрировались в России // Федеральная налоговая служба. – 2024. – 6 дек. – URL: https://www.nalog.gov.ru/rn77/news/activities_fts/15487019/ (дата обращения: 29.09.2026).
7. Булетова Н. Е. Оценка уровня развития «экономики знаний» в субъектах Российской Федерации: структурно-ранговый подход // Экономическая безопасность. – 2022. – Т. 5. – №. 4. – С. 1225-1246. – DOI: 10.18334/ecsec.5.4.116349.
8. В тени регулирования: неформальность на российском рынке труда / под ред. В. Е. Гимпельсона, Р. И. Капелюшникова. – М.: Изд. дом НИУ ВШЭ, 2014. – 535 с.
9. Глава Минцифры сообщил, что порядка 100 тыс. айтишников покинули РФ в этом году // Интерфакс. – 2022. – 20 дек. – URL: https://www.interfax.ru/russia/877771 (дата обращения: 29.09.2026).
10. Дефицит навыков у соискателей отмечают 93 % компаний // Коммерсантъ. – 2025. – 19 июня. – URL: https://www.kommersant.ru/doc/7801395 (дата обращения: 29.09.2026).
11. Дохолян С. В. Социально-экономическое развитие России: анализ влияния внешних шоков и структурных ограничений на уровень жизни // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. – 2025. – Т. 27. – №. 5. – С. 211-222.
12. Дохолян С. В. Уровень жизни населения России: современные вызовы и пути решения в контексте устойчивого развития // Проблемы рыночной экономики. – 2025. – №. 2. – С. 6-19. – DOI: 10.33051/2500-2325-2025-2-06-19.

13. Дохолян С. В., Вершинина М. А. Благосостояние населения России: структурный конфликт фискального стимулирования и монетарного сдерживания в условиях внешних и внутренних шоков // Проблемы рыночной экономики. – 2025. – №. 4. – С. 31-39. – DOI: 10.33051/2500-2325-2025-4-31-39.

14. Капелюшников Р. И. Российский рынок труда: статистический портрет на фоне кризисов // Вопросы экономики. – 2023. – №. 8. – С. 5-37. – DOI: 10.32609/0042-8736-2023-8-5-37.

15. Краенкова К. И., Мицкевич К. А. Возможности и угрозы использования искусственного интеллекта на рынке труда: международный прогноз и национальные перспективы // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия D. Экономические и юридические науки. – 2024. – №. 1. – С. 29-38. – DOI: 10.52928/2070-1632-2024-66-1-29-38.

16. Рейтинг регионов по качеству жизни – 2024 // РИА Рейтинг. – 2025. – URL: https://riarating.ru/regions/20250217/630276677.html (дата обращения: 29.09.2026).

17. Рейтинг регионов по качеству жизни – 2025 // РИА Рейтинг. – 2026. – URL: https://riarating.ru/infografika/20260224/630292498.html (дата обращения: 29.09.2026).

18. Российский рынок труда через призму демографии / под ред. В. Е. Гимпельсона, Р. И. Капелюшникова. – М.: Изд. дом НИУ ВШЭ, 2020. – 440 с. – DOI: 10.17323/978-5-7598-2167-0.

19. Рубинская Э. Д. Концептуально-методологический подход к анализу международной миграции профессионалов // ДЕМИС. Демографические исследования. – 2024. – Т. 4. – №. 2. – С. 9-20. – DOI: 10.19181/demis.2024.4.2.1.

20. Труд и занятость в России. 2025: стат. сб. / Росстат. – М., 2025. – URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Trud_2025.pdf (дата обращения: 29.09.2026).

21. Уровень жизни; Рынок труда, занятость и заработная плата // Федеральная служба государственной статистики. – URL: https://rosstat.gov.ru/folder/13397; https://rosstat.gov.ru/labor_market_employment_salaries (дата обращения: 29.09.2026).

22. Черненко И. М., Кельчевская Н. Р. Исследование последствий геоэкономической фрагментации для производительности человеческого капитала на российском рынке труда // Экономика труда. – 2023. – Т. 10. – №. 12. – С. 1795-1814. – DOI: 10.18334/et.10.12.119969.

23. Яник А. А., Попова С. М., Карпова С. Ф. Региональные рынки труда в России в новых условиях: проблемы и возможности выхода из «колеи развития» // ДЕМИС. Демографические исследования. – 2023. – Т. 3. – №. 4. – С. 165-182. – DOI: 10.19181/demis.2023.3.4.10.

24. Яркова Т. М. Волатильность рынка труда в современных условиях // Экономика труда. – 2024. – Т. 11. – №. 6. – С. 819-834. – DOI: 10.18334/et.11.6.121238.

25. Acemoglu D., Autor D. Skills, tasks and technologies: implications for employment and earnings // Handbook of Labor Economics / ed. by O. Ashenfelter, D. Card. – Amsterdam: Elsevier, 2011. – Vol. 4B. – P. 1043-1171. – DOI: 10.1016/S0169-7218(11)02410-5.

26. Autor D. H. Why are there still so many jobs? The history and future of workplace automation // Journal of Economic Perspectives. – 2015. – Vol. 29. – No. 3. – P. 3-30. – DOI: 10.1257/jep.29.3.3.

27. Becker G. S. Human capital: a theoretical and empirical analysis, with special reference to education. – New York: Columbia University Press, 1964.

28. Docquier F., Rapoport H. Globalization, brain drain, and development // Journal of Economic Literature. – 2012. – Vol. 50. – No. 3. – P. 681-730. – DOI: 10.1257/jel.50.3.681.

29. Frey C. B., Osborne M. A. The future of employment: how susceptible are jobs to computerisation? // Technological Forecasting and Social Change. – 2017. – Vol. 114. – P. 254-280. – DOI: 10.1016/j.techfore.2016.08.019.

30. Lovakov A. The impact of Russia-Ukraine conflict on international migration of Russian-affiliated researchers // Proceedings of the 20th International Conference on Scientometrics and Informetrics (ISSI 2025), Yerevan, 23-27 June 2025. – 2025. – P. 1736-1744. – DOI: 10.51408/issi2025_044.

31. OECD Employment Outlook 2025: Can we get through the demographic crunch? – Paris: OECD Publishing, 2025. – DOI: 10.1787/194a947b-en.

32. Polanyi M. The tacit dimension. – Garden City, NY: Doubleday, 1966.

33. Sen A. Development as freedom. – Oxford: Oxford University Press, 1999.

34. Stiglitz J. E., Sen A., Fitoussi J.-P. Report by the Commission on the Measurement of Economic Performance and Social Progress. – Paris, 2009.

35. The Future of Jobs Report 2025. – Geneva: World Economic Forum, 2025. – URL: https://reports.weforum.org/docs/WEF_Future_of_Jobs_Report_2025.pdf (accessed: 29.09.2026).

References

1. Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 07.05.2024 № 309 «O nacional'nyh celyah razvitiya Rossijskoj Federacii na period do 2030 goda i na perspektivu do 2036 goda». – URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/50542 (data obrashcheniya: 29.09.2026).

2. Aganbegyan A. G. Tri glavnyh social'no-ekonomicheskih vyzova, stoyashchih pered Rossiej, i 15 otvetnyh shagov // Ekonomicheskie strategii. – 2022. – №. 6 (186). – S. 6-15.

3. Ahapkin N. YU. Rossijskaya ekonomika v usloviyah sankcionnyh ogranichenij: dinamika i strukturnye izmeneniya // Vestnik Instituta ekonomiki Rossijskoj akademii nauk. – 2023. – №. 6. – S. 7-25. – DOI: 10.52180/2073-6487_2023_6_7_25.

4. Bodrunov S. D. Za predelami sovremennogo kapitalizma: znanie, tehnologii, noonomika // Noonomika i nooobshchestvo. Al'manah trudov INIR im. S. YU. Vitte. – 2024. – T. 3. – №. 3. – S. 13-26. – DOI: 10.37930/2782-618X-2024-3-3-13-26.

5. Bodrunov S. D. Put' k noonomike: magistral'noe napravlenie global'nogo razvitiya // Noonomika i nooobshchestvo. Al'manah trudov INIR im. S. YU. Vitte. – 2024. – T. 3. – №. 1. – S. 13-20. – DOI: 10.37930/2782-618X-2024-3-1-13-20.

6. Bolee 12 mln samozanyatyh zaregistrirovalis' v Rossii // Federal'naya nalogovaya sluzhba. – 2024. – 6 dek. – URL: https://www.nalog.gov.ru/rn77/news/activities_fts/15487019/ (data obrashcheniya: 29.09.2026).

7. Buletova N. E. Ocenka urovnya razvitiya «ekonomiki znanij» v sub"ektah Rossijskoj Federacii: strukturno-rangovyj podhod // Ekonomicheskaya bezopasnost'. – 2022. – T. 5. – №. 4. – S. 1225-1246. – DOI: 10.18334/ecsec.5.4.116349.

8. V teni regulirovaniya: neformal'nost' na rossijskom rynke truda / pod red. V. E. Gimpel'sona, R. I. Kapelyushnikova. – M.: Izd. dom NIU VSHE, 2014. – 535 s.

9. Glava Mincifry soobshchil, chto poryadka 100 tys. ajtishnikov pokinuli RF v etom godu // Interfaks. – 2022. – 20 dek. – URL: https://www.interfax.ru/russia/877771 (data obrashcheniya: 29.09.2026).

10. Deficit navykov u soiskatelej otmechayut 93 % kompanij // Kommersant". – 2025. – 19 iyunya. – URL: https://www.kommersant.ru/doc/7801395 (data obrashcheniya: 29.09.2026).

11. Doholyan S. V. Social'no-ekonomicheskoe razvitie Rossii: analiz vliyaniya vneshnih shokov i strukturnyh ogranichenij na uroven' zhizni // Izvestiya Kabardino-Balkarskogo nauchnogo centra RAN. – 2025. – T. 27. – №. 5. – S. 211-222.

12. Doholyan S. V. Uroven' zhizni naseleniya Rossii: sovremennye vyzovy i puti resheniya v kontekste ustojchivogo razvitiya // Problemy rynochnoj ekonomiki. – 2025. – №. 2. – S. 6-19. – DOI: 10.33051/2500-2325-2025-2-06-19.

13. Doholyan S. V., Vershinina M. A. Blagosostoyanie naseleniya Rossii: strukturnyj konflikt fiskal'nogo stimulirovaniya i monetarnogo sderzhivaniya v usloviyah vneshnih i vnutrennih shokov // Problemy rynochnoj ekonomiki. – 2025. – №. 4. – S. 31-39. – DOI: 10.33051/2500-2325-2025-4-31-39.

14. Kapelyushnikov R. I. Rossijskij rynok truda: statisticheskij portret na fone krizisov // Voprosy ekonomiki. – 2023. – №. 8. – S. 5-37. – DOI: 10.32609/0042-8736-2023-8-5-37.

15. Kraenkova K. I., Mickevich K. A. Vozmozhnosti i ugrozy ispol'zovaniya iskusstvennogo intellekta na rynke truda: mezhdunarodnyj prognoz i nacional'nye perspektivy // Vestnik Polockogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya D. Ekonomicheskie i yuridicheskie nauki. – 2024. – №. 1. – S. 29-38. – DOI: 10.52928/2070-1632-2024-66-1-29-38.

16. Rejting regionov po kachestvu zhizni – 2024 // RIA Rejting. – 2025. – URL: https://riarating.ru/regions/20250217/630276677.html (data obrashcheniya: 29.09.2026).

17. Rejting regionov po kachestvu zhizni – 2025 // RIA Rejting. – 2026. – URL: https://riarating.ru/infografika/20260224/630292498.html (data obrashcheniya: 29.09.2026).

18. Rossijskij rynok truda cherez prizmu demografii / pod red. V. E. Gimpel'sona, R. I. Kapelyushnikova. – M.: Izd. dom NIU VSHE, 2020. – 440 s. – DOI: 10.17323/978-5-7598-2167-0.

19. Rubinskaya E. D. Konceptual'no-metodologicheskij podhod k analizu mezhdunarodnoj migracii professionalov // DEMIS. Demograficheskie issledovaniya. – 2024. – T. 4. – №. 2. – S. 9-20. – DOI: 10.19181/demis.2024.4.2.1.

20. Trud i zanyatost' v Rossii. 2025: stat. sb. / Rosstat. – M., 2025. – URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Trud_2025.pdf (data obrashcheniya: 29.09.2026).

21. Uroven' zhizni; Rynok truda, zanyatost' i zarabotnaya plata // Federal'naya sluzhba gosudarstvennoj statistiki. – URL: https://rosstat.gov.ru/folder/13397; https://rosstat.gov.ru/labor_market_employment_salaries (data obrashcheniya: 29.09.2026).

22. CHernenko I. M., Kel'chevskaya N. R. Issledovanie posledstvij geoekonomicheskoj fragmentacii dlya proizvoditel'nosti chelovecheskogo kapitala na rossijskom rynke truda // Ekonomika truda. – 2023. – T. 10. – №. 12. – S. 1795-1814. – DOI: 10.18334/et.10.12.119969.

23. YAnik A. A., Popova S. M., Karpova S. F. Regional'nye rynki truda v Rossii v novyh usloviyah: problemy i vozmozhnosti vyhoda iz «kolei razvitiya» // DEMIS. Demograficheskie issledovaniya. – 2023. – T. 3. – №. 4. – S. 165-182. – DOI: 10.19181/demis.2023.3.4.10.

24. YArkova T. M. Volatil'nost' rynka truda v sovremennyh usloviyah // Ekonomika truda. – 2024. – T. 11. – №. 6. – S. 819-834. – DOI: 10.18334/et.11.6.121238.

25. Acemoglu D., Autor D. Skills, tasks and technologies: implications for employment and earnings // Handbook of Labor Economics / ed. by O. Ashenfelter, D. Card. – Amsterdam: Elsevier, 2011. – Vol. 4B. – P. 1043-1171. – DOI: 10.1016/S0169-7218(11)02410-5.

26. Autor D. H. Why are there still so many jobs? The history and future of workplace automation // Journal of Economic Perspectives. – 2015. – Vol. 29. – No. 3. – P. 3-30. – DOI: 10.1257/jep.29.3.3.

27. Becker G. S. Human capital: a theoretical and empirical analysis, with special reference to education. – New York: Columbia University Press, 1964.

28. Docquier F., Rapoport H. Globalization, brain drain, and development // Journal of Economic Literature. – 2012. – Vol. 50. – No. 3. – P. 681-730. – DOI: 10.1257/jel.50.3.681.

29. Frey C. B., Osborne M. A. The future of employment: how susceptible are jobs to computerisation? // Technological Forecasting and Social Change. – 2017. – Vol. 114. – P. 254-280. – DOI: 10.1016/j.techfore.2016.08.019.

30. Lovakov A. The impact of Russia-Ukraine conflict on international migration of Russian-affiliated researchers // Proceedings of the 20th International Conference on Scientometrics and Informetrics (ISSI 2025), Yerevan, 23-27 June 2025. – 2025. – P. 1736-1744. – DOI: 10.51408/issi2025_044.

31. OECD Employment Outlook 2025: Can we get through the demographic crunch? - Paris: OECD Publishing, 2025. – DOI: 10.1787/194a947b-en.

32. Polanyi M. The tacit dimension. – Garden City, NY: Doubleday, 1966.

33. Sen A. Development as freedom. – Oxford: Oxford University Press, 1999.

34. Stiglitz J. E., Sen A., Fitoussi J.-P. Report by the Commission on the Measurement of Economic Performance and Social Progress. – Paris, 2009.

35. The Future of Jobs Report 2025. – Geneva: World Economic Forum, 2025. – URL: https://reports.weforum.org/docs/WEF_Future_of_Jobs_Report_2025.pdf (accessed: 29.09.2026).

Об авторе

Дохолян Сергей Владимирович, доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник, заведующий лабораторией проблем уровня и качества жизни Института социально-экономических проблем народонаселения имени Н.В. Римашевской – структурного подразделения Федерального государственного бюджетного учреждения науки Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (ИСЭПН ФНИСЦ РАН), Москва, Россия.

About author

Sergey V. Doholyan, Doctor of Sci. (Econ.), Professor, Principal Researcher, Head of the Laboratory of problems of the standard and quality of life at the N.V. Rimashevskaya Institute of Socio-Economic Studies of Population, a structural unit of the Federal State Budgetary Scientific Institution Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (ISESP FCTAS RAS), Moscow, Russia.